

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Н.А. Сперовский

Старинные русские иконостасы

Опубликовано:

Христианское чтение. 1892. № 1-2. С. 1-23.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

Старинные русскіе иконостасы.

(Продолженіе) ¹⁾.

Пятнадцатый вѣкъ оставилъ одно важное свидѣтельство объ ярусахъ иконостаса. Въ Софійскомъ Временникѣ подѣ 1482 годомъ записано: „Того же лѣта Владыка Ростовскій Васианъ далъ сто рублевъ иконникомъ, Денисію, да попу Тимофею, да Ярцу, да Копѣ, писати Дѣисусы въ новую церковь Святую Богородицу; иже и написаша чудно велми, и съ праздники и съ пророки“ ²⁾. Отсюда видно, что въ XV столѣтіи иконостасы, кромѣ нижняго яруса, который еще не былъ приведенъ въ порядокъ, имѣли еще три ябла: деисусъ, праздниковъ и пророковъ. Это же подтверждается и другимъ лѣтописнымъ извѣстіемъ, относящимся къ самому началу XVI столѣтія. Во второй Софійской лѣтописи говорится, что в. кн. Иванъ Васильевичъ III въ 1484 г. заложилъ новую каменную церковь Благовѣщенія на своемъ дворѣ, вмѣсто старой, разобранной по ветхости, а въ 1489 г. она была освящена. При сынѣ его Василии Ивановичѣ III эта церковь была возобновлена. Описывая сіе возобновленіе, лѣтописецъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Въ лѣто 7016 (1508). Благовѣрный князь великій Василей Ивановичъ всея Руси... повелѣ (въ

¹⁾ См. ноябрь—декабрьскую, кн. «Хр. Чт.» за 1891 г. (II, 337—353).

²⁾ Соф. Врем. изд. Строева, II, 224.

церкви Благовѣщенія) иконы всѣ церковныя украсити и обложити серебромъ и златомъ и бисеромъ, Деисусъ, Праздники и Пророки“¹⁾. Несомнѣнно, что этотъ иконостасъ Благовѣщенскаго собора былъ сооруженъ въ концѣ XV вѣка при постройкѣ собора, а въ началѣ XVI столѣтія его только украсили золотомъ и серебромъ. Онъ тоже состоялъ изъ трехъ, кромѣ мѣстнаго, ярусовъ.

Кромѣ того, въ XV вѣкѣ встрѣчаются указанія и на то, какія иконы находились въ то время въ иконостасѣ. Такъ, новгородскій лѣтописецъ въ первой лѣтописи сообщаетъ: „Въ лѣто 6927 (1419 г.) бысть буря велиа, и туча и дождь умноженъ... и мльни и блистанія и громъ страшень бысть и въ церкви у Святѣй Богородици, у городскихъ воротъ... двери райскіи ополѣли и святѣи Іоаннъ Предтеча и на святомъ Николѣ и на Василии знатбу сотвори, а церковь благодатию божіею съхранена бысть“²⁾. Въ XVI вѣкѣ всѣ эти иконы помѣщались, какъ увидимъ дальше, въ деисусномъ ярусѣ. Почему же не предположить, что онѣ помѣщались тамъ же и въ XV столѣтіи и что о деисусныхъ иконахъ и идетъ рѣчь въ приведенномъ лѣтописномъ отрывкѣ. Таковы немногочисленныя данныя для исторіи многоярусныхъ иконостасовъ въ XV вѣкѣ.

Отъ первой половины XVI вѣка осталось довольно подробное и весьма важное свидѣтельство объ устройствѣ новаго высокаго иконостаса въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ архіепископомъ Макаріемъ въ 1528 г. Русская лѣтопись повѣствуетъ объ этомъ событіи слѣдующее: „Того же лѣта 36, при державѣ благовѣрнаго великаго князя Василья Ивановича всеа Русіи, повелѣ благолюбивый владыка Макарій устроити царскія двери во святую Софью, понеже прежніи двери отъ много лѣтъ обетшала, никоторые лѣноты не имуще; преосвященный же архіепископъ повелѣ устроити двери сугубѣ первыхъ въ высоту и въ ширину. Преже бо наченъ отъ божественныхъ иконъ писанія на кивотѣ, еже надъ

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт., VI, 247.

²⁾ Ibid. III, 108.

дверми, и на самихъ дверѣхъ, и на столпцѣхъ, числомъ иконнаго поклоненія святыхъ яко 66; также повелѣ хитрецемъ дравіе угодное различнымъ начертаніемъ устроить съ мудрыми подзоры и украшати златомъ и серебромъ листовнымъ, еже есть сусань. Иконописцы же и хитрецы устроиша по велѣнію царскія двери величюдно видѣти и вся лѣпоты исполнены; и крестъ честный на версѣ дверей постави отъ камени хрусталя величюдно устроение, и повелѣ царскіе двери поставити въ соборнѣй церкви во святѣй Софѣи, и запону устроилъ отъ различныхъ тафтъ, величюдно видѣти. Тогда же и боголюбивый архіепископъ Макарей иконы во святѣй Софѣи повелѣ по чину поставити: самую чудную икону святую Софѣю выше воздвигъ, и Цареградскіе иконы, Всемилостивый Спасъ нашъ Господь Ісусъ Христосъ стоящъ, отъ злата и серебра величюдно устроение, и святіи Апостоли Петръ и Павелъ, также стоящи, отъ злата и серебра чудно устроены; и си чудныя иконы противу своего святительскаго мѣста постави, и пелены отъ паволокъ устрои, чудно и лѣпно видѣти, и прочая иконы по чину повелѣ поставити¹⁾. Филимоновъ и прот. Лебединцевъ смотрять на приведенный лѣтописный отрывокъ, какъ на свидѣтельство о важной реформѣ, произведенной Макаріемъ въ устройствѣ нашихъ древнихъ иконостасовъ²⁾. Но мы, основываясь на вышеприведенныхъ лѣтописныхъ свидѣтельствахъ объ устройствѣ иконостасовъ въ XV вѣкѣ, думаемъ, что въ новоустроенномъ иконостасѣ Софійскаго собора былъ соблюденъ прежній порядокъ съ нѣкоторыми новыми дополненіями. Важность приведеннаго лѣтописнаго свидѣтельства заключается въ томъ, что оно есть самое древнее извѣстіе объ устройствѣ нашихъ старинныхъ иконостасовъ, отличающееся наибольшою полнотою содержанія. Весьма важно и то обстоятельство, что иконостасъ, устроенный Макаріемъ въ 1528 г., сохранился до нашего времени, хотя съ нѣкоторыми перемѣнами. Пользуясь этимъ отрыв-

¹⁾ Полн. Собр. Русс. Лѣт., VI, 285—286.

²⁾ Церковь Никол. чуд. на Лип. 35. Труды III Арх. съѣзда, т. I, 85.

комъ и не упуская изъ виду тѣхъ перемѣнъ, которыя претерпѣлъ софійскій иконостасъ въ теченіи своего трехвѣковаго существованія и о которыхъ извѣстно изъ лѣтописей, мы легко можемъ воспроизвести себѣ первоначальный видъ этого иконостаса. Но предварительно скажемъ о перемѣнахъ, произведенныхъ въ немъ съ 1528 г.

1) Въ 1535 г., по повелѣнію архіепископа Макарія, деисусный рядъ иконъ былъ обложенъ позолоченнымъ серебромъ. 2) Въ 1570 г. мѣстная икона Всемилостиваго Спаса была увезена въ Москву царемъ Іоанномъ Грознымъ, а вмѣсто нея поставлена копія, остающаяся и доселѣ въ цѣлости. 3) Въ 1653 г. устроены новыя царскія врата съ подзоромъ и столбцами, существующія и до нынѣ, а прежнія перенесены въ придѣлъ Рождества Богородицы, гдѣ остаются и доселѣ. 4) Наконецъ, въ разные годы нынѣшняго столѣтія устроены на царскія двери и мѣстныя иконы новыя серебряныя ризы ¹⁾.

Теперь приступимъ къ воспроизведенію первоначальнаго типа софійскаго иконостаса. Иконостасъ въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ состоялъ изъ пяти ярусовъ: мѣстнаго, деисуснаго, праздничнаго, пророческаго и праотческаго, который сдѣланъ въ видѣ небольшого карниза. Въ мѣстномъ ярусѣ помѣщены царскія двери съ изображеніемъ Благовѣщенія и четырехъ евангелистовъ, сѣнь съ изображеніемъ Тайной Вечери (метадосясь) и столбцы, на которыхъ написаны Христосъ съ Богоматерію, святители и архидіаконы; затѣмъ, по обѣ стороны царскихъ дверей помѣщены храмовая и другія особенно чтимыя иконы. Деисусный ярусъ состоитъ изъ иконъ Спасителя, Богоматери, Предтечи, ангеловъ, апостоловъ, святителей и мучениковъ. Въ праздничномъ ярусѣ изображены дванадцать праздники и другія событія изъ новозавѣтной исторіи. Въ пророческомъ ряду посрединѣ помѣщена Богоматерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, а по сторонамъ — пророки со свитками въ рукахъ.

¹⁾ О перемѣнахъ въ первоначальномъ устройствѣ софійскаго иконостаса см. въ Лѣтописномъ указателѣ, приложенномъ къ «Описанію новгородскаго Софійскаго собора» прот. Соловьева, стр. 226—246.

Въ верхнемъ ряду изображена Св. Троица (ветхозавѣтная), а по сторонамъ праотцы и херувимы. Таково было въ общихъ чертахъ устройство иконостаса въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ при Макаріѣ въ 1528 году. Весьма возможно, что нѣкоторыя изъ этихъ иконъ, напримѣръ мѣстныхъ и деисусныя, написанныя при Серапіонѣ, были поставлены Макаріемъ только въ новомъ порядкѣ, почему и лѣтописецъ выражается, что Макаріѣ нѣкоторыя иконы велѣлъ только „по чину поставити“. Замѣчательно, что верхній ярусъ иконостаса устроенъ въ видѣ небольшого выпуклага карниза и украшенъ миниатюрными изображеніями праотцевъ, тогда какъ деисусныя иконы и пророки изображены во весь ростъ и въ большихъ размѣрахъ. Праотцамъ же отведено на верху невидное для глаза мѣсто, какъ будто они составляютъ не главный, а второстепенный дополнительный ярусъ иконостаса. Это обстоятельство наводитъ насъ на мысль, что праотеческій ярусъ иконостаса былъ тогда новымъ явленіемъ (можетъ быть въ первый разъ онъ былъ сдѣланъ только въ рассматриваемомъ иконостасѣ) и не былъ распространенъ въ нашихъ иконостасахъ. По крайней мѣрѣ рассматриваемый иконостасъ представляетъ первый примѣръ праотеческаго яруса, о которомъ мы не встрѣчали пока никакихъ упоминаній изъ XV вѣка.

Въ томъ же XVI вѣкѣ встрѣчаемъ первое извѣстіе о такъ называемыхъ пядничныхъ иконахъ, которыя впоследствии составляли изъ себя цѣлый ярусъ иконостаса. Въ лѣтописи подъ 1529 годомъ записано слѣдующее: „Въ лѣто 7037, въ церкви Святые великомученицы Пятницы, въ великомъ Новѣградѣ.... иконы двѣ мѣстныя падоша и прочее *пядничныя иконы* падоша“¹⁾.

Въ продолженіи XVI вѣка явилось еще одно нововведеніе. Извѣстно, что на царскихъ вратахъ изображаются евангелисты. Этотъ обычай весьма древній, а когда онъ возникъ, неизвѣстно. Въ XVI вѣкѣ онъ былъ уже распространенъ, какъ это видно изъ многочисленныхъ церковныхъ описей XVI вѣка. Между тѣмъ, въ

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт., VI, 287.

томъ же столѣтіи встрѣчаемъ извѣстія и о томъ, что на царскихъ вратахъ стали писать, вмѣсто четырехъ евангелистовъ, двухъ святителей—Василія Великаго и Іоанна Златоустаго. Такія врата 1585 г. находятся въ тверскомъ музеѣ ¹⁾).

Такимъ образомъ, въ XVI столѣтіи успѣлъ сложиться типъ русскаго пятіяруснаго иконостаса, къ которому присоединялся иногда цѣлый рядъ пядничныхъ иконъ. Конечно, далеко не всѣ церкви могли имѣть полные иконостасы. Напротивъ, многіе бѣдныя и малые храмы имѣли иконостасы всего только въ три и даже два яруса какъ это видно изъ церковныхъ описей и писцовыхъ книгъ второй половины XVI вѣка ²⁾).

Перемѣны въ иконостасѣ въ теченіи XVII столѣтія происходили по большей части въ верхнихъ рядахъ его. Обзоръвая ико-

¹⁾ «Описаніе церков. пам. въ твер. музеѣ» въ Трудахъ Москов. Археол. Общ., IX, вып. 2—3.

²⁾ Для того, чтобы подтвердить все сказанное нами касательно устройства русскихъ иконостасовъ въ XVI в., позволимъ себѣ привести нѣсколько выдержекъ изъ писцовыхъ книгъ второй половины этого столѣтія. Въ писцовой книгѣ Троице-Сергіевской лавры за 1593—94 гг. двухъярусный иконостасъ въ Воскресенской церкви, на рѣкѣ Волгѣ, въ угличскомъ уѣздѣ, въ Городцкомъ станѣ, описанъ такъ: «въ церкви декусъ большой на бѣли 7 образовъ да мѣсной образъ Воскресеніе Христово, двери царскіе и столбцы на правелени» («Писцовыя книги Московскаго государства». Изд. Географич. Общ. подъ редакцію Н. В. Калачева. С.-Петербургъ 1877 г. ч. I, отд. II, 30). Въ тульской писцовой книгѣ письма Ивана Жеребцова за 1587—89 гг. иконостасъ въ Покровской церкви на Пятницкой улицѣ въ г. Тулѣ описывается такъ: «въ церкви декусъ стоячей, на бѣли со Апостолы, а въ немъ 12 образовъ, да образъ мѣной Покровъ Богородицы на золотѣ пядница, да Пречистые Богородицы Одегитрея на золотѣ; двери царскіе съ сѣбно, на золотѣ, образъ пядница Христова мученица Пятница на золотѣ» (ibid. 1094). Въ каширской писцовой книгѣ письма князя Ивана Даниловича Гагарина за 1578—79 гг. описанъ монастырь Пр. Богородицы Соколовы пустыни на Окѣ слѣдующимъ образомъ: «Въ монастырѣ церковь Пречистые Богородицы, а въ церквѣ на тѣблѣ декусъ стоячей, а въ немъ 7 иконъ семи пядницъ на желти вѣнцы на золотѣ, да надъ декусомъ 12 правниковъ изъ пророка на желтѣ жѣ вѣнцы на золотѣ, да образъ мѣной Рождество Пречистые съ дѣяньемъ 6 пядницъ, да на тѣбли 17 образовъ большихъ пядницъ и меньшихъ, да образъ Дмитрея Селунскаго на золотѣ 2 пядницъ, да двери царскіе и столбцы со евангелисты на желти... да двери сиверскіе, на нихъ Адамово соваданіе» (ibid. 1521).

ностасъ новгородскаго Софійскаго собора, мы видѣли, что на верху его между праотцами были помѣщены живописныя изображенія херувимовъ и серафимовъ. Обычай украшать верхъ иконостаса этими изображеніями удерживался въ нашемъ церковномъ искусствѣ довольно долго—почти до самаго конца XVII столѣтія. При томъ уже въ началѣ упомянутаго столѣтія мы замѣчаемъ, что херувимы и серафимы не помѣщались среди праотцевъ, какъ въ новгородской Софіи, а выдѣлялись изъ нихъ въ особый отдѣльный ярусъ иконостаса, помѣщавшійся на самомъ верху его. По крайней мѣрѣ, мы среди достаточнаго количества примѣровъ существованія херувимовъ на верху иконостасовъ не знаемъ ни одного такого факта въ XVII вѣкѣ, гдѣ бы послѣдніе не были выдѣлены въ особый рядъ. Херувимы и серафимы изображались на верху иконостасовъ живописнымъ и рѣзнымъ искусствомъ. Живописные херувимы были, вѣроятно, на прямыхъ гладкихъ иконостасахъ, а рѣзные—на иконостасахъ, украшенныхъ рѣзбой. Замѣчательно то, что въ иконостасахъ, имѣющихъ рядъ иконъ, изображающихъ страданія Христовы, херувимы и серафимы не имѣли мѣста на верху оныхъ. Это обстоятельство даетъ поводъ предполагать, что страстной ярусъ, вошедшій у насъ въ употребленіе во второй половинѣ XVII столѣтія, мало по малу вытѣснилъ собою изображенія херувимовъ и серафимовъ ¹⁾.

¹⁾ Вотъ данныя, на которыхъ мы основываемъ все сказанное относительно изображеній херувимовъ и серафимовъ на верху иконостасовъ. По свидѣтельству вологодской писцовой книги, письма кн. Ив. Мещерскаго за 1627 г., въ вологодскомъ Софійскомъ соборѣ поверхъ праотцевъ были рѣзные позолоченныя изображенія херувимовъ и серафимовъ (вологодскій сборникъ т. V, 13). По описи 1663 г., этихъ херувимовъ было въ томъ же соборѣ 49, а въ 1701 г. ихъ было только 31 (Описаніе вологод. Соф. соб. Н. И. Суворова, стр. 18 и 29). Въ Богородице-Рождественской церкви села Пояркова, московской губ., въ 1677 г. было 10 рѣзныхъ херувимовъ (Матеріалы Холмогоровыхъ о московскихъ церквахъ, т. IV, 17). Въ Успенской соборной церкви Кирилло-Вѣловерскаго монастыря, по описи за 1718 г., на верху иконостаса находилось «22 обрава херувимовъ и серафимовъ рѣзныхъ по полименту золоченыхъ» (Рукописная опись монастыря въ библиотекѣ с.-петерб. дух. акад. № 97/1334). Эти херувимы

Кромѣ херувимовъ и серафимовъ, верхъ иконостаса не рѣдко увѣнчивался иконою Нерукотвореннаго Спаса или Господа Саваоа. Когда возникъ такой обычай, не знаемъ, но въ концѣ XVI и въ XVII вѣкѣ онъ былъ весьма широко распространенъ. Свѣдѣнія относительно этого обычая мы получили изъ старинныхъ церковныхъ и монастырскихъ описей ¹⁾. Но лучшимъ доказательствомъ

несомнѣнно, были сдѣланы послѣ 1601 года, потому что въ монастырской описи за этотъ годъ про нихъ не упоминается (Рукопись Кир.-Бѣлозер. мн. № 71/1310 въ той же библиот.). Далѣе, въ Троицкой церкви села Чашникова, по описи 1688 г., надъ праотцами были написаны херувимы на бѣломъ желѣзѣ (Матер. Холмогоровыхъ т. IV, 46). Въ суздальской соборной церкви Рождества Богородицы, по свидѣтельству описи 1683 г., были «надъ праотцы херувимы и серафимы басебны на мѣди 23 волочены, а 23 посеребрены» (Влад. Губ. Вѣд. 1875 г. № 36). Въ упраздненномъ Симеоновскомъ монастырѣ рязанской губ., рязскаго уѣзда, по описи за 1682 г., «были надъ праотцы на дву цдахъ писаны херувимы и серафимы на вохрѣ» («Историко-статистическое описаніе рязанскихъ церквей», сваяц. Добролюбова, т. II, 330). Въ Христорождественской церкви села Гевлева, московской губ., по описи за 1703 г., былъ «надъ деисусомъ на одной десѣ образъ пяти херувимовъ» (Матер. Холмогор., V, 108). Наконецъ, по описи московскаго Успенскаго собора, составленной въ началѣ XVII в., «промежъ праотцевъ были столпцы (колонки) деревянныя посеребренны..., а на столпцѣхъ херувими желѣзо нѣмецкое басменныя 21 херувимъ позолочены, а 22 херувима бѣлыя». Эти херувимы были и въ 1627 г., какъ значится въ соборной описи сего года. Но въ описи за 1701 г., описывающей тотъ иконостасъ Успенскаго собора, который сохранился и до нашихъ дней, объ этихъ херувимахъ не упоминается, потому что ихъ уже не было (Русская Историч. Библиотека, т. III, стр. 308, 414 и 600).

¹⁾ Приведемъ вѣсколые выдержекъ изъ церковныхъ описей XVI и XVII столѣтій. По описи новгородскаго Свято-Духова монастыря за 1591 г., въ немъ былъ иконостасъ, увѣнчанный образомъ Спаса Нерукотвореннаго. Въ Николо-Лятскомъ монастырѣ, по описи 1604 г., въ соборномъ храмѣ былъ надъ пророками вверху образъ Спасовъ Нерукотворенный (Древ. новгор. Макарія, II, 53). Въ соборной Преображенской церкви Хутынскаго монастыря, по описи 1642 года, былъ «надъ пророки Нерукотворенный образъ Господень». Тоже самое было и въ трапезной церкви преп. Варлаама хутынскаго (Опись Хутын. мон. за 1642 г., издавшая архимандритомъ Макаріемъ, стр. 24 и 53). По свидѣтельству описной вотчинной книги Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря за 1675 г., въ Бѣлозерской городской церкви Происхожденія Честныхъ Древъ надъ верхнимъ ярусомъ иконостаса былъ образъ Спасовъ, а въ Успенской церкви въ томъ же городѣ

широкаго распространенія его въ русскихъ церквахъ въ XVII вѣкѣ служить постановленіе московскаго собора 1666—67 года, повелѣвавшее ставить на верху иконостаса св. крестъ съ изображеніемъ на немъ распятаго Христа, вмѣсто иконъ Господа Саваоа и Нерукотвореннаго Спаса. „Дѣло бо и прилично есть, говорятъ отцы собора, во святыхъ церквахъ на дѣисусѣ, вмѣсто Саваоа, поставити крестъ, сирѣчь Распятіе Господа и Спаса нашего Іисуса Христа. Якоже чинъ держится издревле во всѣхъ святыхъ церквахъ въ восточныхъ странахъ и въ Кіевѣ и повсюду опричь Московскаго Государства, и то ведіе таинство содержится во святѣй Церкви; якоже Моисей въ пустыни воздвиге мѣднаго змія и образуя Распятіе Спасителя Христа: и якоже тогда отъ угрызенія зміева исцѣляхуся Израильтяне зряще на того змія, такожде и мы нынѣ новый Израиль зряще во святѣй церквѣ на Распятіе, и Страсти Спасителя нашего Іисуса Христа, исцѣляемся отъ угрызенія невидимаго змія діавола: сирѣчь, отъ грѣхонаденій нашихъ“¹⁾.

Такимъ образомъ, со времени московскаго собора 1666—67 гг. наши иконостасы стали увѣнчиваться на верху крестомъ съ изображеніемъ на немъ распятаго Христа. Однако, этотъ обычай вошелъ въ практику не вдругъ, а постепенно. Приведенныя выше въ подстрочномъ примѣчаніи выписки изъ старинныхъ церковныхъ описей доказываютъ, что и послѣ московскаго собора 1666—67 гг. были иконостасы, которые имѣли на верху вмѣсто распятія икону Господа Саваоа или Нерукотвореннаго Спаса. Кромѣ того, весьма многіе старинные иконостасы и до настоящаго времени не имѣютъ на верху ни вышеупомянутыхъ иконъ, ни распятія. Таковы, на примѣръ, иконостасы—въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, въ новгородскихъ церквахъ Пятницкой, Прокопьевской на Ярославомъ дворцѣ и др. Впрочемъ, на нѣкоторыхъ иконостасахъ, устроен-

былъ «надъ пророки образъ Господа Саваоа» (Рукопись Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря въ библиотекѣ с.-петербургск. дух. акад. № 81/1320).

¹⁾ Дѣянія московскаго собора 1666—67 года, изданныя Братствомъ Петра митрополита. Москва 1881 г., листъ печатный 24, а въ рукописи 45.

ныхъ раньше 1667 года и не имѣвшихъ распятія, оно было поставлено послѣ. Таковъ, напримѣръ, главный иконостасъ Успенскаго соборнаго храма въ Кирилло-Вѣлозерскомъ монастырѣ ¹⁾. Новые же иконостасы послѣ собора 1666—67 гг. уже сооружались прямо съ изображеніемъ на верху распятія. Таковы были вновь устроенные иконостасы въ Троицкомъ псковскомъ кафедральномъ соборѣ (1682 г.), въ московскомъ Архангельскомъ соборѣ (въ концѣ XVII в.), въ новгородскомъ Знаменскомъ соборѣ (между 1699—1703 гг.), въ Спасо-Мошенской церкви, боровичскаго уѣзда, новгородской губ. (1707 г.) и др.

Крестъ съ изображеніемъ на немъ распятаго Христа не всегда стоялъ на иконостасѣ одинокимъ. Скоро къ нему стали присоединять изображенія предстоящихъ Богоматери, Іоанна Богослова и другихъ лицъ, бывшихъ при крестѣ Христовомъ, какъ повѣствуютъ объ этомъ евангелисты. Крестъ съ предстоящими мы видѣли на иконостасахъ многихъ новгородскихъ церквей; напримѣръ, Знаменскаго собора, Рождества Богородицы на Молотковѣ, Іоанна Предтечи на Опокахъ и др.

Въ вышеприведенномъ постановленіи московскаго собора 1666—67 гг. встрѣчаемъ еще одну интересную подробность. Отцы собора, упомянувъ о томъ, что обычай ставить крестъ на верху иконостаса распространенъ во всѣхъ православныхъ странахъ, кромѣ московскаго государства, присовокупляютъ, что крестъ ставится на иконостасѣ для того, чтобы мы „зряще во святѣй церквѣ на *распятіе* и *страсти* Спасителя нашего Іисуса Христа, исцѣлялись отъ угрызения невидимаго змія діавола“. Мы подчеркиваемъ слова „распятіе“ и „страсти“ потому, что видимъ въ нихъ указаніе на то, чтобы на верху иконостасовъ ставился не только крестъ, но и, если возможно, изображенія страстей Христовыхъ. Итакъ,

¹⁾ По монастырскимъ описямъ за 1601 годъ и 1718 г., хранящимся нынѣ въ бібліотекѣ с.-петербургской дух. академіи, подъ №№ 71/1310 и 97/1334, на верху упомянутаго иконостаса не было креста, а по описи за 1802 г., находящейся въ той же бібліотекѣ подъ № 115/1350, сей иконостасъ былъ увѣнчанъ крестомъ съ предстоящими.

по нашему предположенію, начало обычаю ставить на верху иконостасовъ рядъ изображеній страстей Христовыхъ было положено на московскомъ соборѣ въ 1666 и 67 годахъ. И это понятно: изображенія страстей Христовыхъ на верху иконостаса не прибавляли ничего совершенно новаго, послѣ того какъ установлено было ставить на немъ распятіе. Иконы страстей Христовыхъ, поставленныя по обѣ стороны распятія, представляютъ подробное развитіе той же идеи, которая заключается въ самомъ изображеніи распятаго Христа ¹⁾). Конечно, страсти Христовы составляли принадлежность не всѣхъ, а только богатыхъ и большихъ иконостасовъ. Въ нѣкоторыхъ иконостасахъ, сооруженныхъ въ началѣ XVII вѣка или ранѣе и не имѣвшихъ страстнаго яруса, послѣдній былъ прибавленъ въ концѣ XVII столѣтія. Это мы наблюдали въ иконостасѣ соборнаго храма въ новгородскомъ Антоніевомъ монастырѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ новгородскихъ церквяхъ, гдѣ страстныя иконы отличаются новизною своего стиля сравнительно съ прочими образами иконостаса. Въ концѣ же XVII столѣтія многіе иконостасы сооружались уже прямо съ иконами страстей Христовыхъ на верху. Таковы, напримѣръ, иконостасы въ новгородскомъ Знаменскомъ соборѣ, въ исковскомъ кафедральномъ соборѣ, въ московскомъ Донскомъ монастырѣ и пр.

Почти въ одно время со страстями Христовыми на верху русскихъ иконостасовъ появился еще одинъ новый ярусъ иконъ, на которыхъ изображались страданія апостоловъ. Естественно ожидать,

¹⁾ Кстати упомянемъ, что намъ пришлось познакомиться съ однимъ мѣстномъ касательно происхожденія иконостаснаго яруса страстей Христовыхъ, вполне согласнымъ съ нашимъ и принадлежащимъ автору «Историческаго описанія московскаго Донскаго монастыря» И. Е. Забѣлину, который говоритъ, что страсти Христовы появились сначала въ храмахъ царскаго дворца, а потомъ отсюда уже перешли въ другія церкви, преимущественно же въ тѣ, которыя воздвигались царскою казною или по обѣту лицъ царскаго семейства (Истор. опис. Донск. монастыря. Москва 1865 г., стр. 31). Наше согласіе съ Забѣлинымъ состоитъ въ опредѣленіи времени происхожденія яруса страстей Христовыхъ: какъ онъ, такъ и мы относимъ этотъ ярусъ къ концу XVII столѣтія.

что этотъ ярусъ долженъ находиться въ связи съ иконами апостоловъ въ иконостасѣ. А иконы апостоловъ помѣщались въ деисусномъ ярусѣ. Въ то же время нужно припомнить, что въ деисусномъ ярусѣ помѣщались не всѣ апостолы даже изъ лика двѣнадцати, а только нѣсколько: два первоверховныхъ Петръ и Павелъ, къ которымъ еще присоединялись, если позволяла величина иконостаса, четыре Евангелиста. Остальные же апостолы обыкновенно не входили въ составъ деисуснаго ряда, вѣроятно, до второй половины XVII вѣка. Ихъ обыкновенно замѣняли святители, преподобные, мученики и другіе святые, о чемъ подробно скажемъ во второмъ отдѣлѣ настоящаго изслѣдованія. Конечно, намъ могутъ возразить, что въ деисусномъ ярусѣ помѣщались не всѣ 12 апостоловъ, а только два или четыре и рѣдко шесть, по той простой причинѣ, что мало было мѣста. Пусть это возраженіе будетъ справедливо по отношенію къ небольшимъ церквамъ, но нельзя признать его вѣрнымъ по отношенію къ иконостасамъ большихъ храмовъ. Напримѣръ, въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ можно было бы помѣстить въ деисусномъ ряду 8 апостоловъ, а на самомъ дѣлѣ ихъ помѣщено только два. За то въ томъ же ярусѣ поставлены иконы четырехъ святителей и двухъ мучениковъ, которые занимаютъ мѣста, внослѣдствіи принадлежавшія апостоламъ. Сказанное о Софійскомъ соборѣ вполне приложимо къ деисуснымъ ярусамъ многихъ большихъ и среднихъ новгородскихъ храмовъ, каковы, напримѣръ, соборныя церкви въ Антоніевомъ и Юрьевомъ монастыряхъ, городскія церкви—Прокопѣвская на Ярославовомъ дворницѣ, Петропавловская, приписанная къ Духовому монастырю, Борисоглѣбская и др. Кромѣ того, самый деисусъ, состоящій изъ иконъ Спасителя, Богоматери, Предтечи и двухъ архангеловъ, могъ бы быть написанъ на одной доскѣ, а не на пяти, что видимъ въ томъ же софійскомъ иконостасѣ, и тогда остались бы еще лишніе мѣста для иконъ апостольскихъ. Но ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ ни въ софійскомъ, ни въ другихъ вышеперечисленныхъ деисусныхъ ярусахъ. Такой порядокъ считался законнымъ до второй половины XVII в. Съ этого времени замѣчаемъ въ составѣ деисуснаго яруса слѣдующую перемѣну: собственно деисусъ, состоящій

изъ пяти извѣстныхъ иконъ, сталъ писаться на одной доскѣ, которая занимала средину деисуснаго яруса; затѣмъ, святители, мученики и преподобные, имѣвшіе доселѣ мѣсто въ деисусномъ ряду, были исключены изъ онаго и замѣнены апостолами изъ лика двѣнадцати и семидесяти, если позволяло мѣсто. Такимъ образомъ, съ этого времени деисусный ярусъ сдѣлался въ строгомъ смыслѣ апостольскимъ ¹⁾.

Теперь возвратимся къ тому, что начали говорить объ иконахъ страданій апостольскихъ. Можно думать, что въ связи съ перемѣною въ составѣ деисуснаго яруса стоитъ появленіе новаго ряда въ иконостасѣ, состоящаго изъ иконъ страданій апостоловъ. По крайней мѣрѣ эту связь мы наблюдали въ любопытномъ и рѣдкомъ фактѣ, который встрѣтили въ иконостасѣ церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ въ Новгородѣ. Здѣсь нѣтъ еще отдѣльнаго ряда страданій апостоловъ, но они изображены внизу на самыхъ иконахъ апостоловъ, которыя составляютъ деисусный рядъ. Напримѣръ, на иконѣ Іоанна Богослова изображено и страданіе его въ котлѣ съ кипящимъ масломъ. Въ иконостасахъ конца XVII вѣка

е видимъ особые отдѣльные ярусы съ изображеніями апостольскихъ страданій. Такъ, въ концѣ XVII в., былъ устроенъ, по словамъ И. Е. Забѣлина, такой иконостасъ въ московскомъ Донскомъ монастырѣ, гдѣ отдѣльный ярусъ страданій апостоловъ слѣдовалъ непосредственно за самимъ апостольскимъ рядомъ, что ука-

¹⁾ Опредѣлить точно время указанной перемѣны въ составѣ деисуснаго яруса невозможно. Мы только приблизительно относимъ эту перемѣну къ половинѣ XVII столѣтія, основываясь на старинныхъ церковныхъ описяхъ, въ которыхъ самыя первыя извѣстія о старинныхъ иконостасахъ съ деисуснымъ ярусомъ, составленнымъ изъ однихъ только апостольскихъ образовъ, встрѣчаются не ранѣе второй половины указанного столѣтія. Притомъ, многіе сохранившіеся до нынѣ иконостасы, имѣющіе деисусный поясъ съ одними только апостолами, устроены, какъ намъ извѣстно въ точности, не ранѣе второй половины XVII столѣтія. Таковы, напримѣръ, иконостасы: въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, устроенный въ настоящемъ его видѣ 1652 г., въ Троицкомъ псковскомъ соборѣ—1680 г., въ новгородскомъ Знаменскомъ соборѣ, устроенный между 1699—1703 гг., въ Спасо-Мошенской церкви 1707 г. и др.

зываетъ на связь этихъ двухъ ярусовъ, т. е. въ страстномъ поясѣ изображались страданія только тѣхъ апостоловъ, которые были помѣщены въ деисусѣ. Другой фактъ существованія этого яруса мы наблюдали лично въ иконостасѣ Спасо-Мошенской церкви. Но здѣсь страстной апостольскій ярусъ уже не имѣетъ тѣсной связи съ деисуснымъ, во-первыхъ потому, что онъ стоитъ не рядомъ съ послѣднимъ, а отдѣленъ отъ него пророческимъ и праотеческимъ ярусами, а во-вторыхъ потому, что заключаетъ въ себѣ страданія такихъ апостоловъ, которыхъ нѣтъ въ деисусѣ и, наоборотъ, не заключаетъ въ себѣ страданій тѣхъ апостоловъ, которые есть въ деисусномъ поясѣ. Скудость дошедшихъ до насъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ даетъ поводъ думать, что изображенія апостольскихъ страданій составляютъ рѣдкое явленіе въ нашихъ старинныхъ иконостасахъ. Это была роскошь, доступная только для большихъ и богатыхъ церквей.

Въ XVII вѣкѣ перемѣны въ русскихъ иконостасахъ происходили не въ однихъ только верхнихъ частяхъ ихъ, но и въ нижнихъ. Такъ, почти одновременно съ образованіемъ на верху иконостасовъ ярусовъ съ иконами страстей Христовыхъ и апостольскихъ появилось еще одно новое прибавленіе; это изображенія сивиллъ и философовъ на тумбахъ внизу подъ мѣстными иконами. Изображенія философовъ на иконостасныхъ тумбахъ сохранились въ соборной церкви ярославскаго архіерейскаго дома ¹⁾, въ псковскомъ Троицкомъ соборѣ ²⁾, въ соборномъ храмѣ Хутынскаго монастыря ³⁾, въ Николаевской церкви новгородскаго Вязицкаго монастыря ⁴⁾ и др. Изображенія сивиллъ сохранились на иконостасахъ новгородскаго Знаменскаго собора, Николаевской церкви, что въ новгородскомъ Отенскомъ монастырѣ ⁵⁾, церкви села Иванова, московской губерніи, волоколамскаго уѣзда и др. ⁶⁾. Что

¹⁾ Описан. яросл. архіер. дома іером. Владимира, стр. 29.

²⁾ «Описан. и изображеніе древност. Псковск. губ.» Годовикова, II, 55—59.

³⁾ Древн. новгор. Макарія, II, 41—42.

⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ Ibidem.

⁶⁾ Иконостасъ этой церкви былъ привезенъ въ 1890 г. въ Москву на выставку VIII Археологическаго съѣзда.

добавленія эти явились въ иконостасахъ не ранѣе XVII в., объ этомъ мы заключаемъ, во 1-хъ, изъ того, что изображенія философовъ и сивиллъ на иконостасахъ не упоминаются въ старинныхъ описяхъ церквей и монастырей, во 2-хъ, изъ того, что эти изображенія, повидимому, были совсѣмъ неизвѣстны въ русской иконографіи ранѣе XVI вѣка ¹⁾).

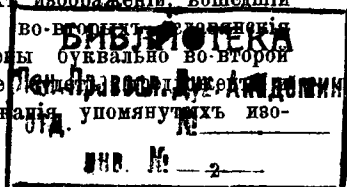
Брошѣ сивиллъ и философовъ на тумбахъ помѣщались еще и другія изображенія. Такъ, въ новгородской Петропавловской церкви, приписанной къ Духову монастырю, написанъ цѣлый рядъ поучительныхъ изображеній изъ поминальныхъ синодиковъ; въ Успенской соборной церкви Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря—пророки ²⁾; въ Передвицкой церкви — Воскресеніе Христово и слѣдующія за нимъ событія. Всѣ указанныя изображенія написаны не ранѣе конца XVII вѣка, а нѣкоторыя изъ нихъ даже и въ XVIII столѣтіи ³⁾. Изображенія подъ мѣстными иконами были послѣднимъ добавленіемъ въ русскихъ иконостасахъ.

Сдѣлаемъ маленькое отступленіе и скажемъ нѣсколько словъ о миниатюрныхъ иконостасахъ. Иконостасы эти представляютъ изъ себя маленькія копія съ большихъ церковныхъ иконостасовъ. Время появленія ихъ опредѣлить пока невозможно. Можно предположить, что они явились на свѣтъ къ концу XVII столѣтія, когда оканчивалось развитіе иконографическое большихъ иконостасовъ. Думаемъ такъ потому, что не нашли ни одного такого миниатюрнаго иконостаса,

1) См. данныя для археологическаго разъясненія изображеній философовъ и сивиллъ въ брошюрѣ проф. Н. В. Покровскаго «Древности костромскаго Ипатьевскаго монастыря», стр. 12—16.

2) Опись Кирилло-Бѣлозерск. мон. за 1802 г. въ библиот. с.-петербургской дух. акад. № 115/1350. Эти пророки написаны не ранѣе 1718 г., потому что въ монастырской описи за сей годъ, хранящейся въ той же библиотекѣ, о нихъ не упоминается.

3) Изображенія въ синодиковъ въ Петропавловской церкви мы относимъ къ концу XVII или началу XVIII вѣка. Основаніемъ для сего служить, во-первыхъ, московскій пошибъ сихъ изображеній, вошедшій въ употребленіе только къ концу XVII в.; во-вторыхъ, старинныя надписи на нихъ, которыя будутъ приведены буквалью во второй части настоящаго изслѣдованія, гдѣ также подробно разберемъ иконографическое содержаніе упомянутыхъ изображеній.

который бы переступалъ по своему иконографическому содержанию и по стилю иконописи границы XVII вѣка ¹⁾. Что касается употребленія и назначенія миниатюрныхъ иконостасовъ, то объ этомъ

¹⁾ Данными, на которыхъ мы основываемъ всѣ свои сужденія о миниатюрныхъ иконостасахъ, служатъ экземпляры ихъ въ с.-петербургскихъ музеяхъ Общества Древней Письменности и Академіи Художествъ. Въ музей Общества Древней Письменности мы видѣли три миниатюрныхъ иконостаса, отмѣченные №№ 53, 54 и 60-ми. Иконостасъ № 53 писанъ на деревѣ и состоитъ изъ двухъ половинъ, изъ которыхъ каждая представляетъ отдѣльный маленькій иконостасецъ. Правая половинка иконостаса имѣетъ шесть рядовъ: мѣстный, праздничный, апостольскій, пророческій и страстной. Мѣстный ярусъ составляютъ, прежде всего, царскія двери съ изображеніемъ Благовѣщенія съ рукодѣліемъ и четырехъ евангелистовъ безъ символовъ, при чемъ Іоаннъ нарисованъ съ Прохоромъ. Надъ царскими дверями написаны два ангела, а на крохотныхъ столбикахъ написаны слова: «возмите врата князи ваша: и увидеть царь славы». На право отъ царскихъ дверей—икона Іоанна Предтечи, за нею—южная дверь съ изображеніемъ архид. Стефана, а далѣе образъ преп. Савватія соловецкаго. На лѣво отъ царскихъ вратъ—Богоматерь, далѣе—сѣверная дверь съ изображеніемъ архид. Лаврентія и, наконецъ,—образъ преп. Зосимы соловецкаго. Во второмъ ярусѣ написаны иконы: Рождества Богородицы, Введенія, Благовѣщенія, Рождества Христова, Срѣтенія, Крещенія, Умовенія ногъ, Тайной Вечери, Примите ядите (последнія три надъ царскими вратами), Преображенія, Вознесенія, Сшествія во адъ, св. Троицы, Успенія и Воздвиженія. Средину апостольскаго яруса занимаетъ икона Воскресенія Христова (Христосъ вылетаетъ изъ гроба), по правую сторону котораго Воскрешеніе Лазаря, а по лѣвую—Входъ въ Іерусалимъ. Надъ этими тремя изображеніями написано четыре евангелиста въ видѣ символическихъ животныхъ. Затѣмъ, по правую сторону подлѣ Воскрешенія Лазаря помѣщены иконы апостоловъ: Павла, Андрея, Іакова, Вареоломея, Іуды и Филиппа; по лѣвую сторону подлѣ Входа въ Іерусалимъ—Петра, Іоанна, Марка, Іакова, Симона Зилота и Ѳомы. Средину пророческаго и вмѣстѣ протеческаго яруса занимаетъ икона Спасителя на престолѣ, по правую сторону котораго стоятъ архангелы Гавріиль, Іегудиль и Урииль, а по лѣвую—Михаиль, Варахиль и Рааиль. Далѣе, пророческій ярусъ составляютъ иконы: на право—Соломона, Іезекіиля, Іилія, Аарона, Софонія и Аггея; на лѣво—Давида, первосвященника Захарія, Исаія, Іеремія, Нааана и Данила. На правой сторонѣ протеческаго яруса стоятъ изображенія Евы, Іакова, Ноя, Іосифа; на лѣвой—Адама, Авраама, Іова и Іуды. Средину страднаго яруса занимаетъ икона Распятія съ четырьмя предстоящими, отъ которой на право изображены Іудино лобзаніе, Положеніе во гробъ и Несеніе креста, а на лѣво—Моленіе о чашѣ, Распятіе и Христосъ въ темницѣ.

тоже нельзя сказать многого. Вѣроятно, они назначались для домашнего употребленія въ молельняхъ. Весьма возможно, что наши благочестивые предки хотѣли имѣть наглядную исторію домострои-

Другая половина описываемаго иконостаса совершенно сходна по своему устройству съ первою. Замѣтимъ только то, что въ этой половинѣ средину пророческаго яруса занимаетъ икона Воскресенія Христова, по правую сторону которой написано Увѣреніе Ѳомы, а по лѣвую—Воскрешеніе Лазаря; по срединѣ же пророческаго яруса помѣщена икона Спасителя на престолѣ между архангелами Михаиломъ и Гавріиломъ. О величинѣ иконостаса можно судить уже по тому обстоятельству, что царскія двери имѣютъ всего только три вершка въ высоту. Этотъ иконостасъ можно отнести приблизительно къ срединѣ XVII вѣка. Основаніемъ для сего служатъ слѣдующіе признаки: а) отсутствіе иконы Спасителя по правую сторону царскихъ вратъ (признакъ, что мѣстный ярусъ еще не былъ приведенъ въ порядокъ, что случилось, какъ свидѣтельствуютъ старинныя церковныя описи, не ранѣе конца XVII вѣка), б) на иконѣ Воскресенія Христова изображенъ вылетающимъ изъ гроба (западное новшество, вошедшее въ нашу иконографію около половины XVII в.), г) Благовѣщеніе на царскихъ дверяхъ второй лѣвой половины иконостаса, гдѣ Богоматерь изображена со сложенными на груди руками (тоже западное новшество XVII столѣтія) и д) Распятіе и Страсти Христовы, появившіяся, какъ сказано выше, послѣ московскаго собора 1666—67 гг. Такимъ образомъ, иконостасъ № 53 по своему иконографическому содержанію есть точная копія съ большихъ церковныхъ иконостасовъ. Несущественная разниа замѣчается въ размѣщеніи иконъ. Такъ, иконы—Входа въ Іерусалимъ, Воскресенія Христова, Воскрешенія Лазаря и Спасителя на престолѣ среди шести архангеловъ поставлены не на своихъ мѣстахъ.

Иконостасъ № 54 писанъ по золотому полю масляными красками на металлическихъ дощечкахъ. Стилъ иконописи—строгановскій. Фигуры на иконахъ чрезвычайно мелки, но красивы и отчетливы. Иконостасъ имѣетъ четыре яруса: деисусный, праздничный, пророческій и пророческій. Мѣстнаго яруса въ этомъ иконостасѣ нѣтъ. Деисусный ярусъ составленъ изъ такихъ иконъ, изъ какихъ онъ составлялся въ XVI и первой половинѣ XVII столѣтія, т. е. собственно деисусъ, состоящій изъ иконъ Спасителя, Богоматери, Предтечи и двухъ архангеловъ, написанъ на пяти дощечкахъ; далѣе слѣдуютъ: на право—ап. Павелъ и московскіе святители Петръ, Алексій, Іона и Филиппъ, а на лѣво—ап. Петръ и святители Григорій Богословъ, Василій Великій, Іоаннъ Златоустъ и Николай Чудотворецъ. Въ праздничномъ ярусѣ между иконами двенадцатыхъ праздниковъ помѣщены и страсти Христовы, каковое обстоятельство даетъ возможность относить иконостасъ къ первой половинѣ XVII в., когда еще не успѣли образоваться особый страстной ярусъ на верху иконостасовъ. Но иконописный

тельства Божія не только въ храмахъ, но и въ своихъ домахъ, что и побуждало ихъ заказывать для себя маленькіе иконостасы.

стиль иконостаса побуждаетъ относить его ко второй половинѣ или даже къ концу XVII в. Остальные ярусы въ иконостасѣ устроены обыкновенно, какъ и въ большихъ церковныхъ иконостасахъ XVII столѣтія. Размѣры иконостаса № 54 не велики: деисусныя, пророческія и праотеческія иконы имѣютъ въ длину по два вершка, а праздничныя—по вершку.

Иконостасъ № 60 устроенъ въ четыре яруса, изъ которыхъ мѣстный имѣетъ три вершка въ высоту, праздничный—вершокъ, а остальные два—апостольскій и пророческій—по два вершка. Въ общихъ чертахъ иконостасъ сходенъ съ церковными иконостасами, но есть и особенности. Именно: средину праздничнаго яруса занимаетъ Тайная Вечера по историческому переводу (Христосъ и апостолы сидятъ за столомъ въ видѣ буквъ С), по правую и лѣвую сторону которой метадеисей въ двухъ половинахъ. Затѣмъ, въ апостольскомъ ярусѣ вмѣсто Спасителя стоятъ двѣ иконы: Распятія и Сошествія во адъ. Подлѣ Распятія поставлена икона Богоматери, какъ и въ деисусѣ, а подлѣ Сошествія во адъ—Предтеча. Иконостасъ № 60 мы относимъ къ концу XVII в. на слѣдующихъ основаніяхъ: а) Богоматерь въ изображеніи Благовѣщенія на царскихъ дверяхъ и въ праздничномъ ярусѣ нарисована со сложенными на груди руками; б) подлѣ царскихъ дверей первыя мѣста занимаютъ иконы Спасителя и Казанской Богоматери; в) въ деисусномъ ярусѣ помѣщены одни только апостолы и, притомъ, съ закрытыми книгами; г) на иконѣ Сошествія во адъ самый адъ изображенъ въ видѣ звѣриной пасти; д) на иконѣ Сошествія Св. Духа среди апостоловъ нарисована Богоматерь, сидящая на престолѣ; е) на сѣверной двери архидіаконъ Стефанъ изображенъ съ камнемъ въ рукѣ.

Въ музеѣ при Академіи Художествъ мы обратили вниманіе на два миниатюрныхъ иконостаса, которые тамъ отмѣчены №№ 264 и 265. Оба эти иконостаса устроены одинаково. Каждый изъ нихъ имѣетъ четыре яруса: деисусный, праздничный, пророческій и праотеческій. Деисусный ярусъ въ иконостасѣ № 264 устроенъ такъ, какъ онъ устривался равнѣ второй половины XVII вѣка. Кромѣ того, особенность этого яруса составляютъ иконы равноапостольной Феклы и архидіакона Стефана. Въ праздничномъ ярусѣ сего иконостаса Благовѣщеніе изображено такъ: Богоматерь занимается рукодѣліемъ, а предъ ней стоитъ архангелъ съ жезломъ; на верху въ сіяніи Св. Духъ въ видѣ голубя, отъ Котораго направляется лучъ въ лоно Богоматери. Такое изображеніе Благовѣщенія было запрещено Московскимъ соборомъ 1666—67 гг. Средину пророческаго яруса въ иконостасѣ № 264 занимаетъ образъ Богоматери на престолѣ, предъ которою стоятъ въ моленіи преподобные Антоній и Феодосій печерскіе. Иконостасъ № 264 писанъ пошибомъ новгородскимъ.

Въ иконостасѣ № 265 обращаетъ на себя вниманіе образъ Спа-

Кромѣ того, эти иконостасы можно было брать съ собою во время путешествій и военныхъ походовъ. Можетъ быть, нѣкоторые изъ нихъ назначались и для походныхъ церквей. Особенно это можно сказать о такихъ миниатюрныхъ иконостасахъ, которые не имѣютъ мѣстнаго яруса. Мѣстный ярусъ въ походныхъ церквахъ долженъ состоять изъ большихъ иконъ, а надъ нимъ легко можно было пристроить нѣсколько новыхъ ярусовъ, состоящихъ изъ миниатюрныхъ иконъ. Наконецъ, миниатюрные иконостасы могли быть въ употребленіи въ раскольничьихъ молельняхъ.

Выше былъ случай сказать, что развитіе иконографическаго содержанія высокихъ многоярусныхъ иконостасовъ окончилось къ началу прошлаго столѣтія. Къ этому же времени успѣлъ оконча-

сителя въ деисусномъ ярусѣ. Здѣсь Спаситель представленъ сидящимъ на престолѣ и окруженъ звѣздообразнымъ ореоломъ. Въ углахъ этого ореола изображены евангелисты въ видѣ символическихъ животныхъ, при чемъ, какъ показываютъ надписи, Марку усвоивается орелъ, а Иоанну—левъ. Составъ деисуснаго яруса въ иконостасѣ № 265 обращаетъ на себя вниманіе своимъ беспорядкомъ. Въ немъ на право отъ Спасителя помѣщены иконы—Іоанна Предтечи, Савватія соловецкаго, Николая Чудотворца, первомученицы Феклы, Григорія Богослова, ап. Павла и арх. Гаврііла; на лѣво—Богоматери, ап. Петра, препод. Зосимы соловецкаго, Василія Великаго, Иоанна Злагоустаго, мученика Евемія и арх. Михаила. Оба иконостаса №№ 264 и 265-й можно отнести къ первой половинѣ XVII в. Отступленія отъ общепринятаго порядка въ размѣщеніи иконъ въ миниатюрныхъ иконостасахъ могутъ быть объясняемы назначеніемъ ихъ для частнаго употребленія. Предназначая миниатюрный иконостасъ для частнаго и семейнаго употребленія, художникъ могъ сообразно со своими личными вкусами и воззрѣніями, а также и съ требованіями заказывающихъ, отступать отъ общепринятаго порядка въ размѣщеніи иконъ въ иконостасѣ, что было невозможно въ старину по отношенію къ большимъ церковнымъ иконостасамъ. Художникъ могъ помѣщать въ миниатюрныхъ иконостасахъ изображенія такихъ святыхъ, имена которыхъ носили члены семейства, заказывавшаго иконостасъ. Эти святые могли помѣщаться въ мѣстномъ ярусѣ, а если иконостасъ не имѣлъ его, то—въ деисусномъ. Послѣднее обстоятельство и можетъ объяснить присутствіе въ деисусныхъ ярусахъ иконостасовъ №№ 264 и 265 такихъ святыхъ, какъ муч. Евемій и особенно равноапостольная Фекла, ибо наблюденія наши показываютъ, что святымъ женамъ, за исключеніемъ праматери Евы и Богоматери, въ иконостасахъ отводилось мѣсто только въ мѣстномъ ярусѣ.

тельно сложиться и тотъ порядокъ, въ которомъ должны были размѣщаться священныя изображенія, входящія въ содержаніе иконостасовъ. Этотъ порядокъ излагался въ иконописныхъ подлинникахъ. У насъ подъ руками было два такихъ подлинника: одинъ изъ нихъ принадлежитъ библиотекѣ с.-петербургской духовной академіи и относится къ началу XVII вѣка, а другой—П. Н. Тиханову¹⁾. Окончаніе развитія иконографическаго содержанія нашихъ старинныхъ иконостасовъ совпало съ тѣмъ временемъ, когда

¹⁾ Въ библиотекѣ с.-петербургской дух. академіи находятся, между прочимъ, рукописный сборникъ подъ № 1449/32, поступившій сюда вмѣстѣ со многими другими рукописями изъ новгородскаго Софійскаго собора. Сборникъ этотъ заключаетъ въ себѣ много разныхъ статей преимущественно поучительнаго характера. Нѣкоторыя статьи посвящены разработкѣ вопросовъ изъ области христіанской иконографіи. Для насъ важны въ этой рукописи 111, 112 и 113 главы, трактующія о праотцахъ, пророкахъ, философахъ и сивиллахъ. Вся рукопись написана полууставомъ. Въ концѣ рукописи приписано: «Божією благодатію, и пречистыя Богородицы милостію, и великаго чудотворца Кирила молитвами, написана бысть сія книга, в дому Успенія Пречистыя Богородицы; во градѣ великаго свѣтильника чудотворца Кирила; по тружницемъ многогрѣшнаго чернца Еустафіа; лѣта 7110». (= 1602).

Рукопись П. Н. Тиханова написана въ четвертую долю листа частію скорописью, частію полууставомъ, весьма близкимъ къ скорописи. На первыхъ листахъ рукописи скрѣпа: «сія книга Григорья Осипова его собственная». Затѣмъ, въ святцахъ подъ 12 іюня подписано: «житія его было 56 лѣтъ, въ 1801-мъ году сего числа преставися рабъ Божій Григорій Осиповъ иконописецъ». Вся эта подпись сдѣлана одинаковыми чернилами, отличающимися отъ чернилъ самаго текста рукописи. Въ концѣ рукописи другая подпись: «Григорій Осиповъ родился [1754] в четвѣртомъ году ноября 15 дня поутру». Надъ послѣднею надписью на той же страницѣ сдѣлана другая: «въ 1754 году Федоръ Семеновъ Ростовецъ преставися въ іюле месяце». На основаніи сихъ надписей рукопись нужно отнести къ прошлому столѣтію. Въ рукописи содержится полный мѣсяцесловъ съ указаніями, какъ изображать на иконахъ того или другого святаго; двѣ статьи о томъ, какъ писать и размѣщать на иконостасахъ пророковъ и праотцевъ; замѣтка о томъ, что и какъ писать на царскихъ дверяхъ и на столбцахъ; совѣты, какъ составлять разныя краски и чернила и, наконецъ, постановленіе стоглава и кормчей книги о томъ, какъ должны иконописцы относиться къ своимъ обязанностямъ. Для насъ въ этой рукописи важны статьи о пророкахъ, праотцахъ, царскихъ вратахъ и столбцахъ.

Россия, какъ въ области искусства, такъ и въ другихъ сферахъ своей жизни, пошла быстрыми шагами къ западу. Въ исторіи русскихъ иконостасовъ это пристрастіе къ западу отразилось въ томъ, что прекратилось дальнѣйшее развитіе ихъ иконографическаго содержанія. Но зато въ это время наши иконостасы начали быстро развиваться въ архитектурномъ и художественномъ отношеніяхъ.

Николай Сперовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки